

УДК 929
ББК 63.3(4)6
Г12

Рецензенты:

д.э.н. *Ю.А. Борко* (Институт Европы РАН),
д.и.н. *Э.Г. Задорожнюк* (Институт славяноведения РАН) —
рецензент-консультант

Ответственный редактор и автор послесловия:

д.и.н. *Г.П. Мурашко*

Перевод с чешского языка:

д.ф.н. *Г.П. Нецименко*

Гаек М.

Г12 Воспоминания о чешских левых / Ответственный редактор и автор послесловия Г. П. Мурашко; перевод с чешск. яз. Г. П. Нецименко. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2019. — 488 с.

ISBN 978-5-4469-1555-2

Внимание читателя предлагается книга воспоминаний М. Гаека (1921–2016 гг.) — известного чешского историка, участника антифашистского движения Сопротивления в Чехии, активного деятеля Пражской весны, в 1970–1980-е гг. находившегося в оппозиции к режиму «нормализации» в Чехословакии, в период Бархатной революции одного из лидеров ее левого крыла. Книга дает возможность проследить процесс трансформации взглядов представителя левой чешской интеллигенции на протяжении второй половины XX в..

На обложке:

Вид на Градчаны и часть Малой Страны с террасы Страговского сада. 1952 г.
Рисунок архитектора Богумира Козака //
Bohumír Kozák. Poklady pražské architektury. Praha: Orbis, 1965. Obr. 26

ISBN 978-5-4469-1555-2

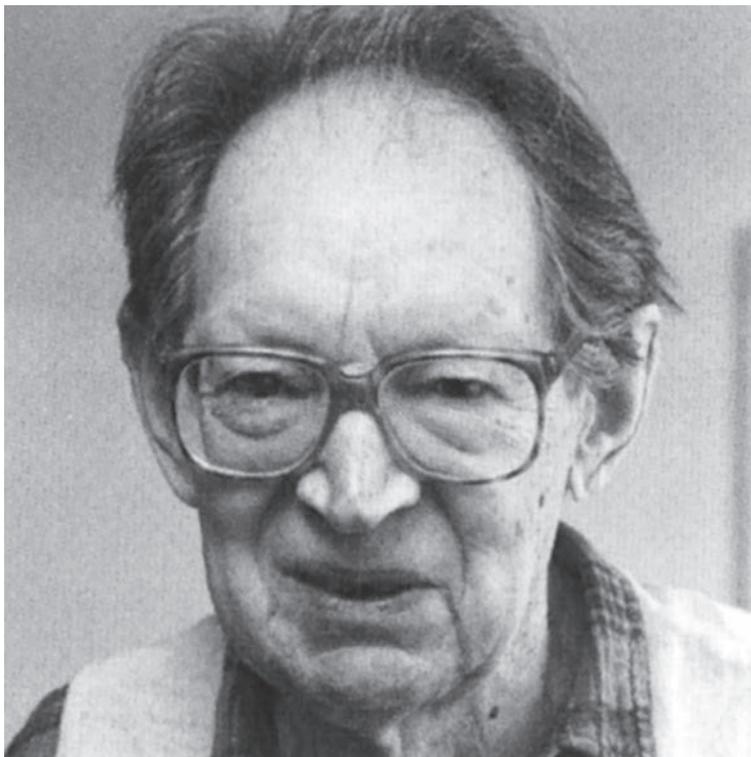
9 785446 915552

© Гаек М., наследники, 2019
© Институт славяноведения РАН (русский текст,
концепция макета и обложки), 2019
© Издательство «Нестор-История», 2019

Издание книги
М. Гаека «Воспоминания о чешских левых»
на русском языке подготовлено
к годовщине Пражской весны 1968 г.

*Перевод осуществлен
при финансовой поддержке
Посольства Чешской Республики в Москве*

Институт славяноведения РАН благодарит за финансовую помощь в издании книги семью М. Гаека — сыновей Радко и Милана Гаеков, его внучку Анну Гаекову, а также российских историков — друзей автора

Милош Гаек
(1921-2016)

Когда я размышлял над написанием своих воспоминаний, то сказал себе, что отложу это дело на время «Ч». Однако сегодня я дочитал автобиографию Грэма Грина («Часть жизни») и обнаружил, что он, вероятно, начал писать её в том же возрасте, к которому приближаюсь и я. И я решил, что воспоминания могли бы стать противовесом сухим статьям по истории Третьего Интернационала. Я хочу написать исповедь сына своего времени.

I. От детства к зрелости

- 12 Семья и школа
- 19 Первый прямой контакт с политикой
  - 22 Отношение к коммунизму
  - 25 Гимназия в Кралупах
  - 30 Лето 1938 года
  - 40 Вторая республика
    - 42 15 марта
    - 45 Война началась
    - 50 Ирка Геллер

Мое первое воспоминание: сад, подсолнухи, пчелиный улей (мне два года). Второе воспоминание: море, купание в далматинском Сукошане. Шалаш, я, испугавшийся медянки. А вот я уже в Венеции, гондола покачивается, я плачу. Голуби, две статуи, бьющие в колокол. Двуколки, женщины с сосудами для воды на головах. Мы едем на могилы наших двух дядей, похороненных на поле сражения где-то в Италии (мне четыре года). Чередой проходят воспоминания об одноэтажном доме в Либани, и хотя в нем жили четыре семьи, ни в одной из них не было моих ровесников. Так и пришлось мне проводить все свое время, играя в песке перед нашим домом вместе с маленькой Иринкой, дочерью кучера Махека.

Семья и школа

Мой отец (тогда я называл его папочкой, позднее — папусей и только в подростковом возрасте — папой. Точно также: мамочка, мамуся, мама. Этим я отличался от остальных деревенских детей, называвших своих родителей: мама и папа) был сыном портного с Гавличковой улицы в Праге. Отца он лишился, когда ему было всего лишь шесть лет. Из пяти детей он был самым умным. По этой причине бабушка, унаследовавшая после смерти мужа швейную мастерскую, отдала сына учиться в реальное училище. Кто-то сказал ей, что там не требуется знание латыни. Выбор этот, как оказалось, был не слишком удачным, так как отец, как и я, не обладал способностями к технике. Именно по этой причине и возник впоследствии вопрос — что делать дальше, получив аттестат об окончании реального училища? Для того, чтобы продолжить образование в высшем учебном заведении, не было денег. К тому же, как мне позже рассказывала мама, папа не принадлежал к числу людей, умеющих зарабатывать на жизнь частными уроками. Пришлось записаться на годичный абитуриентский курс торговой академии. Однажды он показал мне расписание своих занятий на тот год: из-за того, что он записался на великое множество факультативных курсов, — а это были почти все славянские языки и, конечно же, итальянский, — занятия продолжались с восьми часов утра до семи вечера. Преподавателем итальянского языка был коренной итальянец, заставлявший своих учеников заполнять для него карточки, которые он в дальнейшем использовал в своей работе над словарем или учебником. Сославшись на то, что такая работа не входит в учебную программу, папа отказался выполнять распоряжения учителя. В ответ господин профессор пригласил директора, требуя, чтобы тот исключил учащегося Гаека по причине плохой успеваемости... Директор, предпочитавший общаться с преподавателями-иностранцами на их родном языке, беседовал с господином профессором на итальянском. Когда же в дальнейшем директор стал излагать

суть претензий господина профессора папе, тот сразу же заметил, что все понял и что в разъяснениях нет необходимости. В конечном итоге, спустя какое-то время, господин профессор уволился по собственному желанию. Я намеренно упоминаю об этом случае, так как унаследовал эту черту характера от своего отца.

Бабушке жилось нелегко, но она сделала все, что было в ее силах, чтобы по окончании абитуриентского курса отец мог пробыть полгода в Париже.

Окончив учебу, папа отошел от церкви. Впоследствии он объяснил мне, что сделал это совсем не потому, что был атеистом (скорее всего, он был деистом). Просто он испытывал неприязнь к католической церкви как к официальной церкви Австро-Венгерской монархии. Был в этом и определенный протест, как против обязательного воскресного посещения школьной часовни, так и против клерикализма и церкви вообще.

Вернувшись из Парижа, он по объявлению устроился в фирму Давида Блоха подсобным рабочим на сахароваренный завод. Так папа оказался в Либани. Как лицо невоцерковленное папа, по его же рассказам, имел единственный шанс найти работу — обратиться в еврейскую фирму. Антисемитизм отцу был совершенно чужд. Скорее всего, его можно было бы даже назвать анти-антисемитом. Из выпускников реального училища он поддерживал связь только с Хиршем и Шмолкой, которые, в соответствии с нюрнбергскими законами*, считались евреями.

В Либани он оказался вторым невоцерковленным. На одной из экскурсий, устраиваемых «Соколом»** он и познакомил-

---

* Законы о гражданстве в Рейхе и о защите немецкой крови и немецкой чести, принятые 15 сентября 1935 г. на основе решений нюрнбергского съезда НСДРП, именовали нюрнбергскими. Лица еврейской национальности лишались всех гражданских прав на территории Рейха и фактически исключались из общественной жизни.

** «Сокол» — массовая спортивная организация, основанная в 1862 г.; к началу XX в. — массовое национальное движение чешского народа против

ся с мамой. Они начали встречаться, если так можно назвать их отношения в условиях конца XIX столетия, известного своими ханжескими нравами. Возвращаясь домой, мама была вынуждена выслушивать нотации типа: хотя Гаек и хороший парень, однако если только они задумают пожениться, лавку придется закрыть. Самой же бабушке частенько приходилось слышать: *«Хороший-то он, хороший, но ведь безбожник!»*

Вскоре началась война, которую папа провел на итальянском фронте. О войне он принципиально не хотел рассказывать. Исключение, пожалуй, составляла лишь одна история, которую он любил повторять своим собеседникам, причем, как правило, в моем присутствии: *«Сижу я как-то в Пияве за линией фронта и вдруг вижу: в поле на задних лапках стоит заяц. Ну, я и выстрелил. А заяц — никакой реакции. Стреляю во второй раз, а заяц даже не шевельнулся. Через какое-то время он поскакал вприпрыжку. Тогда я сказал себе: “Хороши же стрелки в армии господина императора!”»*

Конец войны папа встретил в Праге, в больнице на Погоржельце. Получив во время одного из боев лишь небольшую царапину, он решил написать рапорт о ранении. Но когда узнал, что всех раненых отправляют обратно на фронт как симулянтов, то решил сказаться больным. Это его и спасло.

В 1920 году мама с папой поженились. Папа вступил в партию национальных социалистов, создав в Либани организацию под названием «Свободная мысль». Следует признать, что из всех других организаций его больше всего привлекал к себе «Сокол». Несколько позже, перебравшись в Ужице, папа стал постоянным инструктором в «Соколе». Однажды он целый год был даже старостой местной организации. Впрочем, сокольское движение он несколько идеализировал: в его глазах «Сокол» был таким, каким отец хотел его видеть и, конечно же, совсем не таким, каким являлся в действительности. По его мнению, национальные демократы к «Соколу» вообще отношения не имели.

Австро-Венгерской монархии. В период фашистской оккупации «Сокол» был распущен.

* * *

Мамин отец, дедушка Йозеф Семиан, был в Либани кондитером. Ему принадлежала кондитерская, находившаяся на городской площади в собственном двухэтажном доме. Пока он был всего лишь учеником кондитера, ему приходилось каждый день вставать в четыре часа утра, чтобы успеть выпастить гусей.

Судя по всему, бабушка долгое время страдала каким-то психическим расстройством. Она была болезненно ревнивой (явно безосновательно). Смерть сына Пепы в итальянском плену вскоре после окончания Первой мировой войны перенести она не смогла и в 1926 году покончила с собой.

Кроме мамы в семье было еще четверо детей — две девочки и два мальчика. Из всех детей мама была не только самой старшей, но и самой сообразительной. Тем не менее, нельзя было даже допустить и мысли о том, чтобы, «она пошла учиться, а мальчишки — нет». Истово веруя в Бога, мама какое-то время даже хотела стать монашкой. Судя по ее более поздним рассказам, я могу предположить, что дедушка и бабушка были верующими людьми. Они соблюдали все ритуалы практикующих католиков (однажды дедушка даже пригрозил маме выпороть ее, если только он узнает, что вместо воскресной мессы она отправилась гулять). Впрочем, назвать их святошами тоже было никак нельзя. Война, а также влияние моего отца оказали на всю семью такое мощное воздействие, что все мои родственники вышли из католической церкви. В конечном итоге, все дяди и тети остались вне лона церкви. Что касается бабушек и дедушки, то они предпочитали либо чехословацкую церковь, либо церковь чешскобратскую*.

---

* Чехословацкая церковь (Чехословацкая Народная церковь) образована в 1920 г. на волне антикатолицизма, ориентировалась на Сербскую православную церковь и идеи гусизма. После Мюнхена, в 1939 г., действовала на землях протектората под названием Чешско-моравская церковь. Чешско-братская церковь придерживалась протестантской ориентации, следовала учению «чешских братьев» — религиозного течения, возникшего в Чехии в период гусизма.

Дедушка с бабушкой всего добились исключительно собственным трудом, точнее было бы сказать, трудом каторжным. Они старались держаться в стороне как от богатеев, так и от тех, кто любой ценой хотел ими стать. Вот в какой атмосфере, столь типичной для маминой семьи, и сформировался ее характер. Мне запомнились ее слова, когда мне было всего шесть лет. Дело было в том, что я как-то позволил себе несколько пренебрежительно отозваться о своем однокласснике, причем, только потому, что «тот был бедным». Мама мне так доходчиво все объяснила, что с тех пор бедность перестала быть для меня чем-то унижающим достоинство человека. Это мамино внушение решающим образом повлияло на мою восприимчивую детскую душу. Впрочем, вряд ли одно лишь словесное воздействие могло иметь столь большое воспитательное значение. Правоту маминых слов подтверждал и весь стиль отношения моих родителей к другим людям, особенно к тем из них, кто находился на социальной лестнице ступеньками ниже.

Мои деревенские приятели, как правило, происходили из рабочих семей, некоторые даже из очень бедных. Впрочем, среди моих одноклассников 1920–1922 годов рождения, были и такие, у которых родители были состоятельными людьми. Так, один из них был сыном директора школы, другой — сыном мясника, третий — трактирщика-арендатора.

В 1927 году отца перевели в Ужице. Самые приятные воспоминания о городке относятся ко времени, когда мне было тринадцать-четырнадцать лет. Тогда мы все зачитывались романами Карла Мая. У нас даже была своя компания, состоявшая только из одних мальчишек, в которой я был Виннету, а мой лучший друг Тонда Резек — Олдом Шаттерхэндом. Неотъемлемой частью моего детства был и «Сокол», куда ходила большая часть моих одноклассников, за исключением Тонды Резека. Что касается Тонды, то решающую роль в этом играли отнюдь не леность или же негативное отношение к дисциплине, а причины политические. Для его отца, в прошлом рабочего, впоследствии полностью потерявшего трудоспособность, единственным источником

существования были всего лишь несколько десятин земли. Он был социал-демократом и даже заместителем старосты. (Стоит заметить, что в «Сокол» также ходили дочери председателя местной ячейки Коммунистической партии Чехословакии в Ебаве).

С нищетой и нуждой я соприкоснулся отнюдь не у себя дома, а в семьях своих одноклассников: так, из всего класса только у меня, сына директора школы, а также у дочери учителя были зимние пальто. Остальные зимой лишь поддевали под рубашку майку. Летом мы все ходили в школу босиком. Семьи моих одноклассников жили на кухне. Кроме кухни, была еще одна комната, но обычно она не отапливалась, поэтому в ней можно было только спать.

В Ужице была школа-двухлетка. В первый класс ходили дети первых трех лет обучения: год — в 1-е отделение, 2 года — во 2-е отделение. Во втором классе 1-е отделение состояло из учеников 4 и 5 года обучения, а во 2-е отделение ходили дети, которые не собирались идти потом в училище. Такое «чрезвычайное положение» имело для меня преимущество: когда мы в 1-м отделении занимались письмом, у 2-го отделения была география, и я с интересом слушал. До сих пор я с удовольствием вспоминаю, как увлекательно рассказывала наша учительница о Франции, ставшей жертвой немецкого вторжения, или о том, как героически сражались французы под Верденом.

Основой воспитания в школе были традиции Масарика, органически пронизанные патриотическим духом, иными словами — воспитание было национально-патриотическим. Уважение к личности Масарика не знало границ. В начальной школе у меня сменились четыре учителя, причем все они настолько почитали президента республики, что моя восприимчивая душа даже не улавливала между ними какого бы то ни было существенного различия. Первые два года меня обучал классный наставник Коларж. Это был пожилой человек предпенсионного возраста, характер которого сформировался еще во времена Австро-Венгрии. Следует сказать, что в начальной школе все мои учителя пользовались розгами. Что же касается Коларжа, то он вообще

прибегал к их помощи ежедневно. Уходя из школы, мы говорили ему: «Прощайте!» Нам запрещалось ходить в школу без пальто (пиджака) и без фуражки. Если у кого-нибудь из нас не было фуражки, ему не позволяли на уроках физкультуры заниматься на спортивной площадке. Коларж аргументировал это тем, что у каждого солдата есть фуражка. Почти год моим преподавателем был классный наставник Наглик, ровесник моего отца, член «Сокола», типичный учитель эпохи Масарика. Во втором классе нам преподавала Аксманова, молодая учительница, у которой еще не было своих детей. Уроженку Праги, ее почти каждый день после окончания уроков ждал неблизкий путь домой. Аксманова была великолепным дидактиком, несколько хуже обстояло у нее дело с педагогикой. Она требовала строжайшего соблюдения дисциплины, а также тишины даже во время перемен. Улыбаться, кажется, она вообще не умела. На выборах Аксманова голосовала за коммунистов.

После Наглика нашим наставником стал Павличек. Он, хотя и не был моим преподавателем, но я почти целый год ходил к нему учиться играть на скрипке. Он учил и мою сестру Ярку. Довольно частыми были и его встречи с нашими родителями. Большой интерес он проявлял к советской литературе. После войны Павличек стал активным деятелем КПЧ.

К сказанному выше, наверное, стоило бы добавить, что, учась в школе, я выписывал журнал «Mladý svět», редактором которого был Ян Гостань.

Как уже упоминалось выше, коммунисты оказывали идейное влияние на ужицкую школу. Однако это был всего лишь дополнительный штрих к ее характеристике. На первом месте было, конечно, следование взглядам Масарика, а также воспитание в духе национальных традиций. Эти три тенденции настолько гармонично сочетались друг с другом, что дети воспринимали это как что-то совершенно естественное.

Не могу и даже не хочу сравнивать воспитание в духе патриотических традиций с национализмом немецкой школы в Судетах или в Веймарской республике. Я не располагаю исчерпывающей

информацией об этих школах. В памяти сохранились лишь три воспоминания. Однажды, когда мне было, наверное, лет десять, мы поехали в Прагу. Меня поразило как много людей общались там между собой на немецком языке. Следующая поездка была в Дечин — там все говорили по-немецки. Когда вскоре после этого я увидел карту, отражавшую национальный состав республики, у меня даже сердце сжалось от боли: зачем нужны немцы в чехословацком государстве? Я мечтал о том, чтобы красная краска навсегда исчезла с карты, вытесненная краской зеленой*. Впрочем, никогда и нигде — ни дома, ни в школе — я не слышал о том, что немцев нужно прогнать или же ассимилировать. Эти детские ощущения и мысли были навеяны общей ситуацией, характерной для данного региона.

Детская дружба с ужицкими ребятами продолжалась до четырнадцати лет. После окончания городской школы мои приятели стали учиться ремеслу. Соответственно и наши совместные поездки на поезде прекратились сами собой. Многие мои товарищи переехали в другие места, поэтому домой они приезжали только по воскресеньям. Разошлись и наши интересы. А я все читал, читал, читал, но это уже были другие книги: не об индейцах, а произведения Карела Чапека. Во время наших воскресных встреч мы играли в лапту или в карты. Однако через год или два меня это перестало интересовать. Наше общение теперь сводилось только к купанию по воскресеньям и катанию на коньках.

Первый прямой контакт с политикой

Дома мне приходилось слышать о национальных демократах, социал-демократах, аграриях, коммунистах, но это все как-то проходило стороной, мимо меня. Помню только, что слово «*коммунисты*» мама произносила явно с тревогой. Слышал я и о том,

---

* На картах Чехословакии того времени красным цветом были отмечены территории расселения немцев; зеленым — чехов и словаков.

что в Германии есть какой-то Гитлер и что он намеревается стать президентом, однако никакой взаимосвязи с позицией политических партий я в этом не усматривал. Говорили также о том, что Гитлер хочет развязать войну. Помню, как мама однажды сказала, что Гитлер победил на выборах в Германии. Еще засел в моей памяти один плакат: изображенный на нем рисунок вряд ли можно было назвать реалистическим, но там был текст: «Вместе с коммунистами против войны». Все это мне казалось несколько странным: мама испытывала перед коммунистами страх, а ведь они, оказывается, против войны. Однако докучать родителям подобными вопросами мне как-то не хотелось.

В 1935 году проходили выборы в парламент. Везде были развешены предвыборные плакаты. Мои одноклассники тоже все это обсуждали между собой. И вот однажды вечером я попросил папу объяснить мне, что же на самом деле происходит. Вот тут-то папа и описал мне весь политический ландшафт Чехословакии. Так я узнал, что те, кто выступают за национальное единство, на самом деле, являются фашистами, что есть еще правые и левые. Узнал я также, что такое капитализм и что такое социализм. С этой минуты я совершенно осознанно стал придерживаться левых взглядов. На всем моем, порой весьма извилистом, пути политического развития у меня никогда не возникало искушения сместиться вправо. Симпатизировал я, конечно, национальным социалистам. По мнению папы, у коммунистов не было позитивной программы. Что же касается социал-демократов, то мне, как и папе, не нравилось, что они выступают против «Сокола».

Парламентские выборы завершились для всего народа полным шоком, так как самой сильной партией в Чехословацкой республике оказались генлейновцы*. Конечно, я тоже испытал потрясение. И хотя я по-прежнему играл в футбол, катался на коньках, болел за «Спарту» и другие национальные команды,

---

* Члены Судето-немецкой партии Чехословакии, руководимой нацистом Конрадом Генлейном.

СОДЕРЖАНИЕ

I. От детства к зрелости	9-52
II. Я становлюсь коммунистом	53-120
III. Арест	121-166
IV. Первые годы новой жизни	167-182
V. Мои пятидесятые годы	183-216
VI. Начинается процесс возрождения	217-262
VII. Пражская весна	263-306
VIII. Нормализация и диссидентство	307-358
IX. «Возрождение»	359-406
X. Перспектива: социал-демократия	407-440
Послесловие к российскому изданию	441-453
Именной указатель	454-476
Аннотированный указатель деятелей культуры, литературы и искусства, упомянутых в книге М. Гаека	477-487

Милош Гаек

ВОСПОМИНАНИЯ О ЧЕШСКИХ ЛЕВЫХ

Ответственный редактор *Г. П. Мурашко*
Перевод с чешского *Г. П. Нецименко*

Концепция оригинал-макета *Институт славяноведения РАН*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Концепция обложки *Институт славяноведения РАН*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 16.04.2019.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 30,5
Тираж 800 экз. Заказ № 1705

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86